

ГЕРМАНИЯ: РЕЖИМЫ МЕНЯЮТСЯ, КОРРУПЦИЯ ОСТАЕТСЯ

Коррупция частных лиц, чиновников, общественных и политических деятелей, пренебрегающих моральными принципами и действующими правовыми нормами, злоупотребляющих своим политическим или социальным положением и получающих личные привилегии за счет общества, существует во всех государствах и при всех формах правления. Однако в странах с демократическим устройством, где большим влиянием и авторитетом пользуются средства массовой информации (СМИ), случаи коррупции нередко становятся достоянием гласности. Иногда это способствует наказанию виновных или хотя бы временно приостанавливает распространение коррупции. Диктаторские режимы, полностью контролирующие СМИ, имеют возможность скрыть факты коррупции, ограничиваясь, в лучшем случае, внутренними расследованиями. Коррупционные дела передаются в суд, только если в данный момент это по той или иной причине “политически целесообразно”. Такую политику проводил, в частности, режим национал-социалистов, которые, идя к власти, обещали искоренить коррупцию и бюрократизм Веймарской республики, а захватив власть, успешно скрывали подобные явления в собственных рядах. Поэтому до сих пор существует мнение, что в высшем руководстве третьего рейха, в отличие от ФРГ, коррупции практически не было.

Рассматриваемый немецким автором Л.Грухманом случай распределения дополнительных продовольственных пайков семьям высокопоставленных функционеров нацистского режима в военное время по сравнению с другими эпизодами того же и последующих периодов, на первый взгляд, кажется безобидным.

В июле 1942 г. Главное продовольственное управление Берлина наложило на фирму Нётлинг (Nötling), занимавшуюся оптовыми поставками вина, продовольствия, деликатесов, административный штраф в размере 5 тыс. марок за продажу большого количества товаров без соответствующего разрешения. В ответ владелец фирмы подал встречную жалобу, обосновав её тем, что предъявленный штраф не только дискредитирует его фирму, но и “ущемляет его клиентов - видных

деятелей партии, государства, вооруженных сил и дипломатов” (5, с. 572). Однако в январе 1943 г. Нётлинг был заключен под стражу. О деле узнал гауляйтер Й.Геббельс, курировавший важнейшие судебные процессы в Берлине. Из представленных начальником полиции Берлина сведений следовало, что многие высокопоставленные чины рейха (министры, генералы, адмиралы, шеф канцелярии и т.д.) необоснованно получали продовольственные товары без карточек, т.е. беззастенчиво решали свои личные проблемы за счет государства. Комментируя ситуацию, начальник полиции высказался в том смысле, что, хотя проступок Нётлинга и заслуживает справедливого наказания, нельзя делать его главным виновником и военным преступником, поскольку “его клиенты заслуживают большего наказания, чем он сам” (5, с. 575).

Геббельс, обеспечивший своей семье комфортабельную жизнь и в военное время, но неприхотливый в еде и обходившийся обычными продовольственными карточками, доложил дело Гитлеру, решившему не делать из него “государственную акцию”. Он поручил Геббельсу обратиться к министру юстиции с тем, чтобы последний, с одной стороны, обеспечил юридическую сторону дела, а с другой, “сохранил лицо государства”, т.е. об уголовном преследовании речи не было (5, с. 582). Тем самым Гитлер лишний раз подтвердил, что правосудие в третьем рейхе служит политическим интересам.

Этот случай является не единственным и далеко не самым вопиющим примером коррупции в третьем рейхе. Много серьезнее и масштабнее были злоупотребления руководителей промышленных концернов и финансовых магнатов, которые привели Гитлера к власти.

На процессе над главными нацистскими военными преступниками в Нюрнберге в феврале 1946 г. отмечалось, что “впервые перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и сделавшие государство орудием своих преступлений” (3, с. 137). Крупные промышленники были фактическими хозяевами страны. “Их интересы были четко закреплены в системе политических и государственных отношений в виде законов, правил, которым должны следовать все” (5, с. 135). Таким образом экономические интересы крупного капитала, концернов и крупных банков обеспечивались государством и политикой, как легальными, так и нелегальными способами.

В ФРГ в первые послевоенные десятилетия коррупция в верхних эшелонах власти носила, по мнению В.Зайбеля (Университет г.Констанц) эпизодический характер (4, с. 85). Наиболее крупные “коррупционные”

скандалы были связаны с реализацией двух военных проектов по перевооружению немецкой армии: покупкой танков HS30 производства швейцарской фирмы “Испано Сюиза” и бомбардировщиков “Старфайтер” американской фирмы “Локхид”. Несмотря на высказывавшиеся военными экспертами сомнения относительно надежности этих вооружений, сделки были заключены благодаря “покровительству” депутата Бундестага О.Бенца (ХДС), являвшегося одновременно представителем швейцарской фирмы в Германии, и Ф.Й.Штрауса (ХСС), бывшего в тот период министром обороны ФРГ. Когда несовершенство закупленной техники подтвердилось, общественное мнение заподозрило Бенца и Штрауса в коррупции. Однако факт коррупции не был доказан.

Журналисты, занимавшиеся расследованием обоих случаев, пришли к выводу, что речь шла не о их личном обогащении, а о субсидировании политических партий, членами которых являлись Бенц и Штраус. Таким образом, уже в этот период проявился основной мотив коррупционного поведения немецкой политической элиты - финансовое обеспечение деятельности политических партий. В 70-80-е годы процесс прогрессирующего взаимопроникновения партий и мира экономики и распространения коррупции продолжился. Наиболее ярко это проявилось в так называемой “афере Флика”.

Концерн Флика - одна из самых могущественных промышленных империй капиталистического мира - существует уже больше 60 лет. Начало концерну было положено в 1926 г., когда Ф.Флик стал во главе акционерного объединения сталелитейных заводов “Миттельдойче штальверке”, которое с самого основания было подчинено нуждам милитаризма. В 1931 г. Флик становится меценатом нацистов. Из созданного им в 1932 г. фонда в 1,5 млн.марок было выделено для продвижения кандидатуры Гинденбурга 950 тыс.марок, нацистской партии - 150 тыс., военному министру Шляйхеру - 120 тыс. (1, с. 61). В ответ на обещание Гитлера разгромить рабочее движение, увеличить производство вооружений и добить новое жизненное пространство на Востоке Флик тут же попросил у него аудиенцию и вручил чек на 50 тыс.марок. Он активно включился в кампанию по выборам в рейхстаг в 1932 г, а затем - по приведению к власти Гитлера; оплатил предвыборные долги нацистской партии и перевел в нацистский банк миллион марок на формирование СС (1, с. 62). С 1933 по 1945 гг. Флик пожертвовал в кассу нацистов 7 млн. 650 тыс.рейхсмарок (2, с. 69). Во многом благодаря

этому концерн Флика стал крупнейшей частной промышленной корпорацией гитлеровской Германии. Но, как отмечалось в документах американского обвинения по делу Флика в Нюрнберге, “для достижения главных целей третьего рейха более важной была тайная и поспешная ремилитаризация Германии”, в которой Флик играл отнюдь не последнюю роль. “Он участвовал в создании люфтваффе, в производстве гранат, снарядов, танков и пушек” (1, с. 63). До самого конца войны предприятия концерна выпускали продукцию для вермахта. И, хотя американский военный трибунал приговорил Флика к 7 годам заключения, он вскоре вышел на свободу.

Американские концерны имели в Германии значительные капиталовложения, между промышленниками и банкирами двух стран существовали тесные связи. Поэтому после разгрома фашизма США поспешили оказать Западной Германии помощь. В результате реализации “плана Маршалла” страна модернизировала свою промышленность, создала новые отрасли, подготовила базу для производства вооружений.

В этих условиях германские банки и концерны, поддерживавшие тесные связи с правыми партиями еще со времен Веймарской республики, стали все активнее играть роль теневых центров власти. Они не только покупали министров, но и влияли на принятие правительственные решений. Летом 1949 г. было заключено так называемое “строго доверительное” Пирмонтское соглашение, в соответствии с которым промышленные союзы обязались внести в избирательный фонд ХДС и СвДП 2 млн.марок (1, с. 68). Флик немедленно включился в кампанию. На федеральном уровне было создано Государственно-гражданское объединение (преобразованное затем в “Союз по изучению общественной деятельности”), централизованно собиравшее пожертвования с 60 крупных фирм тяжелой промышленности, банков и страховых обществ. Западногерманские корпорации расходовали на взятки в среднем два с половиной миллиона марок в год (2, с.69).

Но Флик продолжал и напрямую финансировать политические партии, особенно накануне выборов в Бундестаг, переключившись на тех, кто мог за определенную мзду защитить его интересы. Из-за путаницы в законодательстве о пожертвованиях деньги, перечислявшиеся партиям и политикам через “фонды” и “общества”, можно было укрыть от налогообложения, и Флик систематически расширял практику их тайного финансирования. Из отчетов концерна видно, что за десять лет,

предшествовавших скандалу, ведущим политическим партиям ФРГ было передано 35 млн.марок, в том числе 15 млн. блоку ХДС/ХСС, 6 млн.500 тыс.- партии свободных демократов. Иногда кое-что перепадало и СДПГ (2, с. 69).

В деятельности концерна Флика коррупция была постоянным явлением, но отдельные “эпизоды” были особенно “яркими” и шокирующими. Событием национального значения стала сделка по продаже Фликом акций автомобильной фирмы “Даймлер-Бенц”. В 1975 г. он пустил слух, что персидский шах Мухаммед Реза Пехлеви готов приобрести 39% принадлежащих Флику акций этой фирмы по цене, примерно на 20% превышающей биржевую. Этую сделку правительство не могло проигнорировать, поскольку предприятие, производящее символ западногерманского процветания - автомобиль “Мерседес”, могло оказаться в руках иностранцев (ранее 14% акций уже были проданы в Кувейт). Поэтому канцлер Г.Шмидт оказал давление на крупнейший банк страны “Дойче банк”, чтобы последний предупредил возможную продажу акций. В результате Флика “убедили” продать только 29% акций. По закону он должен был заплатить налог в размере 56% с полученной от этой операции прибыли, составлявшей 2 млрд.марок (8, с.19). Однако Флик добился освобождения от уплаты этого налога (4, с. 87). Правда, заместитель руководителя налогового отдела министерства финансов А.Ильнер, бывший членом СвДП, возражал против освобождения концерна от налогов, но под давлением Г.-Д.Геншера снял свои возражения. Тем более, что решающее слово в вопросе предоставления льгот имеет министерство хозяйства, руководители которого (до 1977 г. - Г.Фридрихс, с октября 1977 г. - О.Ламбсдорф, также являвшиеся членами СвДП) благосклонно относились к Флику, разумеется небескорыстно. За время их “сотрудничества” первый получил от Флика 375 тыс.марок, второй - 135 тыс. (8, с.20). Как выяснилось одиннадцатью годами позже, опасения канцлера были безосновательными: самом деле Флик никогда не собирался продавать контрольный пакет акций фирмы “Даймлер-Бенц”.

Процесс по “делу Флика”, который характеризовался потом как “самый крупный политический скандал” за всю историю ФРГ, “боннский Уотергейт”, “землетрясение на Рейне”, начался с пустяка. В ноябре 1981 г. одного из ведущих сотрудников концерна, главного бухгалтера Р.Диля заподозрили в уклонении от налогов: в обход финансового ведомства он получил от руководства наличными 700 тыс.марок (3, с. 23). Во время

обыска в дюссельдорфской штаб-квартире концерна сотрудники боннской прокуратуры и чиновники налогового управления обнаружили в сейфе кассовый журнал, который Дильт вел в течение десяти лет - с начала 70-х до начала 80-х годов. В нём фигурировали сорок имен известных деятелей ведущих партий ФРГ, получавших от концерна неофициальные "пожертвования", которые перечислялись на секретный счет фиктивной швейцарской фирмы в Базеле и таким образом утаивались от уплаты налогов.

Так невольно Дильт вывел следователей на главных клиентов "черной кассы" концерна. При обыске в бюро генерального управляющего концерном Э. фон Браухича были конфискованы документы, компрометирующие высокопоставленных государственных и политических деятелей. На основании найденных документов двум руководителям концерна Флика фон Браухичу и председателю одной из фирм концерна М. Нимитцу было предъявлено обвинение в передаче министрам Фридрихсу, Ламбсдорфу и Л.-Х. Римеру (СвДП) крупных сумм наличных денег. Таким образом, в утаивании от налогов крупных сумм, которые шли на подкуп политических деятелей, был фактически обвинен концерн Флика.

Обвинения были выдвинуты и против взяточников: министра хозяйства ФРГ графа Ламбсдорфа, четырежды получавшего взятки от Флика в обмен на предоставление концерну налоговых льгот, который июне 1984 г. в результате скандальных разоблачений вынужден был уйти в отставку; бывшего министра хозяйства Фридрихса, обвинявшегося в получении в 1975-1977 гг. взяток в общей сложности в 375 тыс. марок; бывшего министра хозяйства земли Северный Рейн-Вестфалия Римера, получившего от фирмы около 145 тыс. марок за предоставление концерну крупных субсидий (3, с. 25).

Под тяжестью улик бухгалтер Дильт и управляющий фон Браухич раскрыли механизм совершения противозаконных финансовых сделок и подкупа "нужных людей". Практиковались "подношения наличными", двойная бухгалтерия и тайные сейфы. Согласно показаниям Диля, у фирмы Флика в Дюссельдорфе было три кассы: официальная кassa с нормальным бухгалтерским учетом; неофициальная кassa в обход обычного бухгалтерского учета; специальная или "черная кassa", куда поступали средства, выделяемые из утаенных от налогообложения сумм, и за счет обратного притока прибылей. Кроме того, был еще сейф в "Дрезденер банке", в котором тоже хранились значительные средства.

Согласно выводу прокуратуры, источником “чёрных денег” были “авантюрные сделки” концерна Флика с так называемой “чёрной фирмой”. Сначала Флик, получив налоговые послабления, финансировал “чёрную фирму” - предприятие, которое управляло финансами католического миссионерского общества “Зовердия”. Затем делопроизводитель “Зовердия” возвращал 80% из “пожертвованных” концерном денег в специальную “чёрную кассу” Флика (3, с. 28).

По данным боннской прокуратуры, за десять лет концерн Флика пропустил через “пожертвования” этой подставной фирме в общей сложности 10 млн.марок, из которых 8 млн. были возвращены в “чёрную кассу”. Эти не облагаемые налогами “чёрные деньги” шли в основном на взятки западногерманским политикам, партийным функционерам и высокопоставленным чиновникам государственного аппарата в Бонне и федеральных землях. 10% от суммы пожертвований католическая миссия оставляла себе, остальные 10% передавались без свидетелей бывшему в то время депутатом Бундестага от ХДС В.Леру, выступавшему посредником в этой сделке (3, с. 29). Но самый крупный выигрыш от сделки с “Зовердией” имела группа Флика, прятавшая от налогов “чёрные деньги” и имевшая официальные налоговые льготы. Таким образом, Флик “спас” от налогообложения 13 млн.марок (2, с. 72).

Были выявлены и другие пути финансирования политических партий и отдельных лиц. Около 100 промышленников заказывали и оплачивали фирме, находившейся в Вадуце (Лихтенштейн), никому не нужные экспертизы. Из Вадуца деньги уходили в партийные кассы. В кассу возглавлявшегося Штраусом ХСС деньги поступали и через его газету “Байернкурир”, в редакцию которой переводились деньги за фиктивные объявления. Таким образом, за три года только от концерна Флика ХСС получила почти 92 тыс.марок. Но в этой операции участвовали и его дочерние компании - “Динамит-Нобель”, “Фельдмюлле”, “Максимилиансхютте”. Ещё один путь - рекламное общество “Гезельшафт цур Виртшафтсвербунг-Паблиситас” в Мюнхене, получившее в 1967-1969 гг. более 150 тыс.марок и ещё 210 тыс.марок в 1970-1974 гг. (2, с. 72).

Расследование деятельности концерна Флика наглядно показало тесную связь между экономикой и политикой и позволило понять нравы “предпринимательской и политической элиты”. В частности, в ходе показаний, которые давал на заседании специальной комиссии бундестага по расследованию “аферы Флика” председатель СвДП Г.Д.Геншер,

выяснилось, что его партия получала поддержку от концерна Флика с начала 60-х годов. В 1974 г. концерн перевел на счет СвПД 3 млн.марок на проведение “оздоровительной акции” (3, с. 12). Канцлер Г.Коль также вынужден был признать, что возглавляемая им ХДС действовала в обход законов, получая от концернов, в том числе и от Флика, крупные “пожертвования”. Правда, он назвал сумму в пять раз меньшую, чем значится в бухгалтерских книгах концерна. В действительности в 1973-1980 гг. Г.Коль получил на нужды ХДС из “черной кассы” Флика около 665 тыс.марок (3, с. 22).

В целом ни прокуратура, ни специальная комиссия бундестага совсем не стремились выявить всех политических деятелей, которые за взятки помогали делать деньги концерну Флика, предоставляя ему противозаконные налоговые льготы. Наметив опросить 104 свидетеля, комиссия ограничилась 36. 13 наиболее важных свидетелей опросили по одному разу, хотя намеревались вызвать повторно. Председатель не дал возможности депутатам бундестага задать интересовавшие их вопросы Штраусу, Колю, Дилю. Сам Г.Коль нападал на СМИ, упрекая их в “копании в навозе” и утверждая, что “никакая демократическая партия не может обойтись без пожертвований” (2, с. 80).

Собственно процесс по “делу Флика” начался после долгих проволочек лишь в августе 1986 г. На скамье подсудимых оказались Ламбсдорф, Фридерихс и фон Браухич. Им были предъявлены обвинения во взяточничестве и уклонении от налогов. Оценено, что действия фон Браухича нанесли государству ущерб в 16,7 млн.марок, Фридерихса - в 1,6, Ламбсдорфа - в 1,3 млн. Однако речь шла не только о деньгах, но и о политической морали. Авторитетный политик в бундестаге признал: “трое обвиняемых - это символические фигуры нашей политической системы” (1, с.88). Но даже то малое, что пытался сделать прокурор, воспринималось многими как посягательство на исконные права предпринимателей. Сам Флик избежал участия обвиняемого, поскольку его адвокаты уверяли, что он не был информирован о благотворительной деятельности концерна, и выступал на процессе в качестве свидетеля. По существу он сделал козлом отпущения фон Браухича, отдав его под суд.

Процесс шел медленно. Число свидетелей катастрофически таяло: одних не рекомендовалось допрашивать вторично из-за их высокого ранга, другие были за пределами ФРГ, третьи неожиданно заболели, а некоторые уже умерли. Основные надежды прокурор возлагал на бывшего бухгалтера концерна Диля, пользовавшегося репутацией

пунктуального надежного работника. Но на суде он вдруг предстал безответственным разгильдяем, который многое “не помнил”, и практически из свидетеля обвинения превратился в свидетеля защиты.

Тем не менее в ходе судебного процесса вскрылось, помимо прочего, финансирование Фликом разведывательной службы Бундеснахрихтендист (БНД): в 1978 г. 500 тыс. марок были переданы на борьбу с терроризмом, в 1980 г. - ещё 400 тыс. для финансирования частного сыскного бюро (1, с. 102). И хотя поначалу это сообщение произвело эффект разорвавшейся бомбы и буквально шокировало общество, а канцлер Коль потребовал “щательного выяснения вопроса о субсидиях БНД”, было совершенно очевидно, что дальнейшие разоблачения чреваты запросами в парламент, публичными дискуссиями, заявлениями об отставках. Поэтому разбирательство было отложено, а через неделю официальный представитель правительства, признав не правомерность финансирования БНД частными промышленными объединениями, заявил, что в будущем такое не повторится. На этом вопрос был исчерпан. Папка с документами о сотрудничестве Флика с БНД навсегда исчезла в архивах. Пресса молчала, поскольку конфликты с этим ведомством могут иметь непредсказуемые последствия.

Кроме того, по утверждению видного деятеля “зеленых”, депутата Бундестага О.Шили, концерн Флика разработал многочисленные способы влияния на принятие решений политическими кругами и государственными органами. С помощью секретных связей Флику удавалось узнавать о решениях, принятых министерством хозяйства, причем часто прямо с заседаний, где обсуждались важные вопросы, от самого министра Ламбсдорфа. Коль информировал Флика о решениях своей партии ХДС и планах назначения на высокие государственные посты. Хотя эти обвинения против Коля получили косвенное подтверждение в ходе разбирательства “аферы Флика” (в списках Диля фамилия канцлера упоминалась двенадцать раз в связи с выплатой крупных сумм), канцлер отрицал, что принимал пожертвования. Расследование прекратили: канцлер должен оставаться выше подозрений.

Сенсационный процесс закончился несensationально. Прокуратуре пришлось снять обвинение во взяточничестве и ограничиться налоговыми “шалостями”. Фон Браухич был условно приговорен к двум годам тюремного заключения и штрафу в 550 тыс. марок. С Ламбсдорфом и Фридрихсом обошлись ещё мягче: первому присудили штраф в 180

тыс.марок, второму - 61,5 тыс. (2, с. 97). Обоим министерство финансов тут же предоставило субсидии на покрытие судебных издержек, как "пострадавшим за исполнение служебных обязанностей". Несмотря на такой мягкий приговор, обвиняемые подали протест на решение суда. Со своей стороны, протестовала и прокуратура, считая приговор фактически оправдательным. Несколько позже прокуратура отозвала свой протест, вслед за ней сняли протест подсудимые, решив, вероятно, тихо похоронить дело. Агентство ДПА назвало "боннский процесс по делу о субсидиях", закончившийся в 1987 г., тихим погребением после большого спектакля.

В ходе "аферы Флика", не имевшей серьезных последствий для политической системы ФРГ, политические партии ясно показали, что они считают себя, стоящими над законом. Руководители и казначеи всех подозреваемых в нарушении закона партий, ссылались на то, что коррупции способствуют сами законы о финансировании партий, забывая о том, что при желании партии давно могли бы их изменить (4, с. 95).

"Афера Флика" вызвала цепную реакцию разоблачений, связанных с коррупцией. До июня 1985 г. органы юстиции завели против менеджеров промышленности, партийных коррупционеров и министров 1825 дел по подозрению в коррупции, уклонении от уплаты налогов, фальсификациях и подлогах. За предшествующие 10 лет частные компании незаконными путями перевели в кассы ХДС/ХСС и СвДП 214 млн.марок (1, с. 76).

Однако обвиняемые получали более чем скромное наказание. Так, фабрикант Х.Эберпехерп, который через "Общество экономической помощи Баден-Вюртемберга" перевел в кассы ХДС/ХСС и СвДП 300 тыс.марок, был приговорен к незначительному штрафу. В Гамбурге быстро завершился процесс по делу табачного концерна "Реемтсма", незаконно "жертвовавшего" средства консерваторам. За нехваткой улик главного подозреваемого отпустили под залог, два других отделались незначительными штрафами.

Стали достоянием гласности и документы, свидетельствующие о "пожертвованиях" парламентариям, статс-секретарям, министерским чиновникам и другим официальным лицам, от которых зависело распределение заказов химическим концернам и создание выгодных условий сбыта новых препаратов на внутреннем рынке, а также содействие принятию нужных законов и предписаний. При этом речь шла не об одном концерне, а о целой отрасли. В подкупе участвовали десятки

фирм от таких гигантов как “Хёхст”, до малоизвестных мелких предприятий. Пожертвования от фармацевтической промышленности получили лидер фракции ХДС/ХСС в бундестаге А.Дреггер, бывшая казначейша франкфуртской организации ХДС графиня фон Гален и другие политики. Как и в случае Флика, эта деятельность активизировалась во время избирательных кампаний, когда становились известны кандидаты в депутаты, то есть деньги вкладывались в тех, кто мог обладать реальной властью. В результате подкупа политиков на рынке появлялись препараты сомнительного качества, как, например, “контрерган” для беременных женщин, из-за которого в стране родились тысячи физически неполноценных детей.

После первых разоблачений, связанных с субсидированием партий в 1981-1982 гг., пожертвования было сократились. Но уже в 1983 г., когда следственные органы занимались “аферой Флика”, концерны, пренебрегая общественным мнением, вновь стали щедро давать деньги христианским и свободным демократам, создавшим коалиционное правительство. ФРГ продолжали потрясать скандалы, в частности, в связи с делом фирмы “Транснуклеар”, занимавшейся контрабандой расщепляющихся материалов.

Общественность будоражили и другие политические скандалы. В Шлезвиг-Гольштейне раздались первые раскаты “кильского Уотергейта”. С сенсационными разоблачениями выступил Пфайфер, бывший референт премьер-министра этой земли, христианского демократа У.Баршеля. Пфайфер признался, что по поручению шефа долгое время подслушивал телефонные разговоры и участвовал в распространении порочащей информации о политическом противнике Баршеля, лидере социал-демократов Б.Энгхольме. В результате этих признаний христианские демократы понесли большие потери на выборах. И хотя Баршель дал честное слово, что ни в чем не виновен, снежный ком разоблачений уже покатился. Нашлись новые свидетели нечистоплотной политической борьбы со стороны деятелей ХДС, обнаружились новые факты нарушения законности и коррупции. Однако через некоторое время Баршеля нашли мертвым в номере женевской гостиницы. Появилось подозрение, что его убрали как свидетеля более серьезных преступлений международной политической мафии. Было доказано, что он знал о подпольной торговле оружием, в частности о поставках подводных лодок с кильских судоверфей в ЮАР. В этом случае он вполне мог оказаться жертвой политического убийства. Нашлись к тому же параллели с недавней

“аферой Флика”, в которой фигурировали те же лица. Но свидетелей и улик опять не хватило. Как говорил в ходе парламентского расследования депутат Шили, “подобные процессы ведут к опасности разрушения парламентско-демократических институтов изнутри” (1, с.125).

Большой общественный резонанс получили приведенные в книге немецкого журналиста и специалиста по профсоюзам Ф.Куша (7) неизвестные факты о крупных аферах, в которых участвовала принадлежащая Объединению немецких профсоюзов (ОНП) фирма “Нойе Хаймат” (“Neue Heimat”), занимавшаяся строительством жилья.

В 60-70-е годы через свои многочисленные филиалы путем спекулятивной скупки, главным образом, в кредит фирма приобрела огромные земельные площади как в ФРГ, так и в зарубежных странах (в Западной Европе, Канаде, Мексике, Бразилии и т.д.). Эти спекулятивные операции отрицательно повлияли на финансовое положение “Нойе Хаймат”. В результате ухудшения конъюнктуры земельные участки используются не так интенсивно, как предусматривалось. В 1985 г. фирма уже имела долгов на сумму 17,4 млрд.марок, годовые проценты на которые составляли 1,1 млрд.марок. Образно говоря, на каждого члена профсоюза приходилось 2280 марок долга. Но поскольку они не должны отвечать за бесхозяйственность концерна, а ОНП не могло предоставить дополнительные средства, пришлось начать распродажу жилья (6, с. 12).

Но это лишь одна сторона скандала с “Нойе Хаймат”. Другая касается побочных доходных торговых сделок руководства в ущерб фирме. Хотя до крупного скандала дело не дошло, “Нойе Хаймат” оказалась втянутой в серию процессов. На одном из них суд доказал, что фирма уже при начислении арендной платы знала, что вскоре она будет повышена. Оставив своих арендаторов в неведении, она использовала фактор “привлекательной арендной платы”. Суд счел этот прием недостойным, особенно потому, что эта тактика проводилась по отношению к социально ущемленным клиентам, то есть по отношению к кругу лиц, для защиты интересов которых профсоюзы и создаются.

Попытки со стороны отдельных трудящихся обратить внимание Наблюдательного совета фирмы на эти и другие недостатки, игнорировались. Более того, руководство пыталось подправить свою репутацию с помощью подкупа журналистов, а также, будучи уверенным в собственных прочных позициях, воспрепятствовать обнаружению огромных ошибочных инвестиций и сомнительных частных сделок. В

результате в течение длительного времени профсоюзный концерн нес ежегодные убытки в размере 350-500 млн.марок (6, с.165).

Правда, некоторые руководители “Нойе Хаймат” рассчитывали на спасительную акцию со стороны государства. Однако общая финансовая ситуация не позволяла на это надеяться, да и у большинства бюргеров эта идея не находит поддержки: одни считают, что общество не должно расплачиваться за плохое управление концерном, другие уверены, что ситуацию может поправить ОНП, обладающее, по оценке экспертов, многомиллиардным состоянием. Дело “Нойе Хаймат”, по мнению В.Зайбеля, свидетельствует о постепенном распространении в Германии, особенно в строительстве, так называемой коррупции “низкого уровня”, не связанной с деятельностью политических партий (4, с. 87-88).

Что касается Восточной Германии, то вопреки всем прогнозам, коррупция после политической и экономической либерализации не получила там широкого распространения. Наиболее заметным является случай Г.Краузе, государственного секретаря последнего премьер-министра ГДР. За несколько дней до объединения Германии, используя ускоренные процедуры, он предоставил 41 концессию на строительство зон отдыха на крупнейших восточногерманских магистралях, что могло принести концессионерам огромную прибыль. Впоследствии было доказано, что эти контракты крайне невыгодны государству, и они были признаны Счетной палатой “противоречащими обычаям”. Было также обнаружено, что администрация коммуны - родины Краузе - под его давлением отвела под строительство сельскохозяйственные земли. Но в отставку Краузе, ставший в объединенной Германии министром транспорта, был вынужден уйти, когда выяснилось, что он брал в деловые поездки жену и сына бесплатно и что 80% услуг домработницы оплачивались за счет государственных средств (4, с. 89).

В то же время, как это ни парадоксально, объединение Германии в 1990 г. дало новый импульс развитию политической коррупции в западных землях (4, с. 88). В 1991 г. обнаружилось, что премьер-министр земли Баден-Вюртемберг Л.Шпет (ХДС) регулярно путешествовал за границу за счет частных фирм. В большинстве случаев речь шла о предприятиях, уже получивших финансовую помощь или другие субвенции или обратившихся за выделением таковых. Премьер-министр немедленно подал в отставку. В 1992 г. выяснилось, что премьер-министр Саара и вице-президент СДПГ О.Лафонтен (в то время ему было 49 лет) в течение нескольких лет получал пенсию по старости как бывший мэр г.

Саарбрюкен. Лафонтен возместил незаконно полученные средства и остался на своем посту. В том же году в прессе появились сообщения, что федеральный министр экономики Ю.Меллеман (СвДП) использовал свое служебное положение для рекламы проекта двоюродного брата, в результате чего вынужден был уйти в отставку. В 1993 г. стало известно, что премьер-министру Баварии М.Штайблу (ХСС), как и его коллеге из Баден-Вюртемберга, частные фирмы оплачивали заграничные поездки. Через некоторое время министр внутренних дел Баварии Э.Штойбер признал, что он также принимал подобные предложения, а кроме того, регулярно бесплатно пользовался предоставляемыми частными компаниями машинами. В июне 1993 г. Штайбл подал в отставку, а его преемником на посту премьер-министра стал Штойбер.

Однако, несмотря на многочисленные скандалы, даже в начале 90-х годов немцы не считали административные органы страны коррумпированными. По данным журнала “Шпигель” только 28% немецких менеджеров (по сравнению с 50% во Франции и 90% в Италии) указывали на коррумпированность администрации.

Обычные граждане несколько скептичнее в своих оценках, хотя их вера в некоррумпированность чиновников, по крайней мере в первые десятилетия существования ФРГ, возрастила. Если в 1950 г. 59% респондентов считали, что чиновники подвержены коррупции, то в 1978 г. - только 42% (4, с. 84). Уголовная статистика также свидетельствует о том, что количество случаев коррупции в 80-е годы не увеличилось. В то же время в момент кульминации “аферы Флика” в 1984 г. 75% опрошенных высказывали убеждение в том, что при принятии решений политики руководствуются экономическими интересами (4, с. 84-85). В этой связи В.Зайдель отмечает, что легенда о неподкупности, корректности, профессионализме и эффективности немецкой административной машины - отнюдь не миф. Проблемой Германии является не административная, а политическая коррупция, т.е. коррупция на высшем уровне (4, с. 85).

Он объясняет это историческим особенностями формирования институтов немецкого государства и немецкой политической культуры.

Для Германии, в отличие, например, от Франции, характерно отставание модернизации политических институтов государства от модернизации административных органов. Поражение Пруссии в войне с Наполеоном в 1806 г. послужило импульсом к проведению административных реформ, направленных на создание инфраструктуры

развивающейся капиталистической экономики и привлечение буржуазии к участию в решении только административных, а не политических вопросов, и формированию модели имперского государства, ориентированной на совершенствование административного аппарата.

Эта система, существовавшая до 1918 г., оказала серьезное влияние на политическую культуру немцев, которым, по мнению В.Зайделя, не хватает исторического опыта построения демократических институтов собственными силами. Демократические режимы в Германии устанавливались либо в результате военных поражений (1918, 1945-1949 гг.), либо являлись своего рода подарком “дружественных сил” (1949, 1989 гг.).

В глазах немцев основными элементами демократии являются такие демократические ценности как свобода, равенство и справедливость, но они практически никогда не упоминают о демократических институтах и власти. Из этого можно сделать вывод, что немцы олицетворяют демократию с “материальными” категориями (социальная защита со стороны государства) и идеологическими нормами, тогда как демократические институты, трансформирующие эти нормы, для них не имеют почти никакого значения. Поэтому собственная ценность демократических институтов и отделение личности от полномочий оказывают незначительное влияние на общественное мнение. Англосаксонская идея передачи полномочий, как временного выражения доверия, чужда немецкому пониманию демократии. Немцы скорее идентифицируют “политику” с самими политическими деятелями, чем с институциональным процессом урегулирования конфликтов и развития компромиссов. Поскольку у общественности нет надежного критерия для суждений о политическом поведении, политической этике и демократической ответственности, часто случается, что один политик должен подать в отставку из-за мелкого нарушения, тогда как другой продолжает выполнять свои функции несмотря на криминальность своего поведения (4, с. 91).

Иначе обстоит дело с административной системой, пережившей все изменения режимов со времен Венского конгресса. Она олицетворяет собой надежность институтов государства, которую не смогла предложить стране конституция. Вера в стабильность государственного аппарата глубоко укоренилась в коллективном сознании немцев. “Имперское государство”, термин эквивалентный для немцев термину “демократия”, является единственной надежной идеологией государства

именно потому, что модель имперского государства при всех режимах оставалась стабильной.

В современном открытом обществе относительная слабость демократических институтов государства должна компенсироваться общественными институтами. В Германии такими институтами со второй половины XIX в. являются политические партии и общественные ассоциации, ставшие после провала революции 1848 г. выразителями демократических ценностей, поскольку само государство было недемократичным. В результате произошел полный отказ от организации институтов государства по демократическому принципу и облегчился компромисс власти с доминировавшей аристократической кастой. К концу XIX в. партийная система, являющаяся единственным постоянным структурным политическим элементом, пережившим все режимы, развивалась независимо от общественных ассоциаций. Поэтому именно политические партии стали центром формирования диктатур как при нацистах, так и при коммунистах.

Партийная система также служит противовесом территориальному разделению государственного аппарата, поскольку решение большинства административных вопросов в Германии входит в компетенцию земель, тогда как федеральная власть располагает ограниченной административной базой. Партийная система гарантирует политическую однородность несмотря на административную раздробленность, т.е. политические партии являются институтами, обеспечивающими сравнимость результатов формирования политической воли и развитие политических карьер на всех уровнях от локального до федерального. В то же время конкуренция между партиями в критических ситуациях служит основным механизмом контроля и демократической ответственности (4, с. 92).

Институты и политическая культура являются в Германии независимыми переменными, определяющими распределение выгод и издержек коррупции, включая фактор их оценки общественным мнением.

Благодаря высокой профессиональной подготовке персонала, администрация, реализующая на практике идею имперского государства, дорога немцам в силу своей эффективности. Немецкий чиновник не очень высоко оплачивается, но, в отличие от политика, имеет стабильную работу и может извлечь значительные выгоды из своего положения, одной из составляющих которого является неподкупность. Выгоды коррупции в администрации, имеющей дело с индивидуальными

гражданами, для чиновника невелики. Этим и объясняется то, что коррупция появляется только в тех бюрократических ведомствах, где существуют поддающиеся монополизации выгоды в виде значительных денежных сумм или других привилегий, компенсирующих риски (строительство и иногда военные заказы).

Расчеты немецкого политика строятся иначе. Прежде всего, он учитывает то, что будучи депутатом парламента, по закону не подлежит наказанию за коррупцию. К этому добавляется тот факт, что в немецкой конституции политическая ответственность правительства и особенно министров не прописана. Парламент избирает только федерального канцлера, а министры прямо перед парламентом не отвечают и не могут быть им отозваны. При таких условиях коррупция могла бы получить в Германии чрезвычайно широкое распространение. Этого не происходит лишь потому, что карьера уличенного в неблаговидном поступке политика может резко оборваться, если такое решение по тем или иным соображениям примет партийное руководство или внутренние структуры власти.

Таким образом, партийная система ослабляет политический контроль за коррупцией, тогда как конкуренция между партиями его усиливает. Чем больше относительное влияние политика и чем слабее конкуренция между партиями, тем выше шанс, оставаться безнаказанным в случае коррупции. Для политика это означает, что его имидж внутри партии имеет большее значение, чем имидж в глазах граждан, и что его партия получит преимущества, если преимущества получит он сам.

Влияние политика внутри партии, острота межпартийной конкуренции и методы коррупции в СМИ могут способствовать безнаказанности политиков. Это подтверждается, пожалуй, единственным случаем в истории западных демократий, когда три руководителя партий (Брандт, Коль и Ламбсдорф), оказавшись замешанными в коррупционном скандале (“афера Флика”), не ушли в отставку, так как были настолько значительными фигурами в своих партиях, что их отставка породила бы множество проблем.

Список литературы

1. Бовкун Е.В. Миллионы из “черной кассы”: По следам аферы концерна Флика. - М.: Сов.Россия, 1989. - 127 с.- (По ту сторону).
2. Левин В.Н. Флик - имя нарицательное. - М.: Политиздат, 1989. - 126 с.- (Владыки капиталист.мира).

3. Меньшиков В.М. Клиенты “черной кассы”: Махинации концерна Флика и др. магнатов капитала. - М.:Юрид.лит.,1986. - 160 с.
4. Démocratie et corruption en Europe / Sous la direction de Della Porta D., Mény Y. - P.: La Découverte, 1995. - 186 p. - ("Recherches" á La Découverte). - Bibliogr.: p. 173 - 183.
5. Gruchmann L. Korruption im Dritten Reich: Zur Lebensmittelversorgung des NS—Fuhrerschaft // Vierteilshefte fur Zeitgeschichte. Munchen, 1994. - Jg.42, H.4. - S.571-593.
6. Heinz J., Flitz K. Die Stamokap-Republik der Flicks. - Frankfurt a.M.: Marksistische blatter, 1985. - 151 S.
7. Kusch F. Macht, Profit und Kollegen: Die Affare Neue Heimat. - 2.Aufl. - Bonn: Aktueii, 1986. - 184 S.
8. Das Lambsdorf-Urteil / Mit Beitr.von Mauz G., Schily O.; Hrsg.: Leyendecker H. - Gottingen: Stedl, 1988. - 180 S.

В.И.Шабаева